

зя:

23

10/11/22

Грустная годовщина.

Прошелъ годъ, какъ умерла В. О. Коммиссаржевская.

Многие съ грустью вспоминають лицо покойной артистки. Что-то скорбное, загадочное было въ его выраженіи. Недавно опубликованныя письма В. О. къ А. Чехову говорятъ о громадной внутренней борьбѣ, которая происходила въ сознаніи „чайки“, какъ настойчиво называли Коммиссаржевскую. Два вопроса стояли передъ нею:

— Какъ мнѣ совершить нѣчто большое? Способна-ли я на него?

Классически великіе таланты, оставляющіе яркій слѣдъ въ исторіи, нерѣдко бывають олимпійски спокойны къ такимъ вопросамъ. Они или вполнѣ увѣрены, что дѣла ихъ достойны исторіи, или совѣтъ не волнуются вопросами о своемъ вліяніи и историческихъ слѣдахъ.

Матушійся духъ Коммиссаржевской, судя по письмамъ, не зналъ покоя. И сколько же страданія доставили ей эти проклятые вопросы!

Прошелъ годъ... Снова встаетъ въ памяти одинокій, чуждый повседневной суетою образъ, вѣчно стремящійся куда-то въ высь и какъ-то грубо прикованный цѣпями заботъ, тревоги, пошлости къ кулисамъ, мелкимъ дразгамъ, ролямъ, обманчивымъ рукоплесканіямъ, скоропреходящему энтузіазму поклонниковъ и поклонницъ. Кажется, актриса имѣетъ наибольшее право сказать:

— Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

И если бы актеры не были иногда непроходимо жадны на хлопki или же не создавали бы себѣ недоступный для массы уголокъ души, — я не

понимаю, какъ у нихъ хватало бы силъ играть и играть безъ конца.

Недавно Савина и Варламовъ справляли 35-лѣтній юбилей служенія на сценѣ.

Чего это стоитъ? Какъ интересна та мозговая извилина, гдѣ у актера сосредоточена оцѣнка публики „для самого себя“!

Мнѣ кажется, что Коммиссаржевская должна была ненавидѣть толпу, бояться ея. Какъ испуганная лѣсная птица, актриса должна была чувствовать потребность какъ можно больше увеличивать разстояніе между собою и шумною массою. А жизнь говорила:

— Иди къ нимъ!

Это — трагедія. Это отравы — жизни.

За минувшій годъ въ память В. О. почти ничего не было сдѣлано. Небольшой сборникъ, разговоры о фондѣ, нѣсколько напечатанныхъ воспоминаній, — вотъ и все. А, вѣдь, сколько было лицъ, которыя го-

товы были пожертвовать собою, чтобы спасти ее отъ злого недуга. Гдѣ они? Быть можетъ, они уже готовы жертвовать собою за другую, а можетъ быть, уже забыли?

Наши поэты почему-то мало посвятили ей стиховъ. Я помню только одинъ монологъ, записанный для Коммиссаржевской З. Д. Бухаровой. В. О. превосходно его декламировала. Теперь этотъ монологъ — уже достояніе многихъ актрисъ.

... Прошелъ годъ... Въ глубинахъ души грустно и обидно... Вѣдь, въ слѣдующую годовщину ни я, ни другіе не напишемъ своихъ „очередныхъ“ статей...

О, память людская!..

Вель.